

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ III В. ДО Н. Э.*

В.М. Клепиков

В 80-х гг. Заволжская экспедиция ВГПИ под руководством А.В. Лукашова проводила раскопки в Палласовском районе Волгоградской области. Ряд сарматских погребений, открытых в 1982, 1984 гг. у оз. Эльтон, представляют несомненный интерес в контексте дискуссии о возможности выделения сарматских комплексов III в. до н. э. Два из них исследовано в курганной группе, расположенной в 2 км к ЮВ от с. Венгеловка, к С от оз. Эльтон.

Курган 2, высотой 0,7 м, диаметром по линии С—Ю 12,5 м, по линии 3—В — 17,3 м, был сооружен в срубное время. В раннесарматскую эпоху в центральной части кургана была вынута часть насыпи и в материке приготовлена прямоугольная площадка. На ее поверхности были вырыты могильные ямы погребений 10 и 11, совершенных одновременно. Между ними была оставлена материковая перемычка. Остальные погребения в кургане также относятся к раннесарматскому времени (рис. 1).

Погребение 10 представляло собой подбойное захоронение. Входная яма подпрямоугольной формы, размеры 2,30 × 0,92 м, длинной осью была ориентирована по линии СЗ—ЮВ. Вдоль северной стенки на глубине 0,35 м была оставлена косая ступенька шириной от 0,4 до 0,1 м. Дно входной ямы находилось на глубине 0,75 м от поверхности площадки, с которой рылась яма, и 1,97 м от современной поверхности кургана. Подбой, устроенный в южной стенке, имел длину 1,83 м, ширину 0,49 м, высоту свода 0,41 м. На дне входной ямы лежал скелет мужчины 30—35 лет, вытянуто на спине, головой на ЮВ, череп на левом виске. В подбое лежал скелет ребенка 1—2 лет, вытянуто на спине, головой на ЮВ, черепом на затылке (рис. 2, 1).

1. Под правым плечом мужчины лежало бронзовое зеркало с обломанной боковой ручкой-штырем и валиком по краю, в деревянном, обтянутом кожей футляре. Диаметр диска — 10 см, ширина валика — 0,8 см (рис. 2, 7).

2. Справа от костяка, вдоль ступеньки, лежал длинный железный меч с прямым перекрестием и серповидным навершием. Длина меча — 120 см (рис. 2, 5).

3. Вдоль правого бедра лежал железный кинжал с прямым перекрестием и серповидным навершием. Длина кинжала — 42,5 см (рис. 2, 6).

4. В подбое, вдоль правой ноги ребенка, на 15 см выше дна лежали три фрагмента железного предмета, один из которых напоминает втулку (наконечник копья?).

5. У рукояти кинжала и у колена левой ноги ребенка найдено по альчику барана.

6—7. У входа в подбой, вдоль голени левой ноги мужчины, были положены бронзовые и железные наконечники стрел. Из них: 7 бронзовых трехлопастных наконечников с внутренней втулкой и опущенными вниз жальцами длиной 2,4 см (1 шт.), 3,4 см (4 шт.), 3,8 см (2 шт.); 20 железных наконечников с длинными черешками. Форма головок в большинстве случаев не ясна из-за коррозии, однако в двух случаях восстанавливается трехгранная форма. Черешки имели длину 6—8 см, головки — 2,0—2,5 см (рис. 2, 2).

8. В ногах мужского костяка стоял глиняный лепной горшок с шаровидным туловом, отогнутым наружу венчиком и уплощенным дном. Горло отделено от тулова двумя рельефными круговыми валиками. По верхней части тулова проходят косые полосы пучками из 3—5 полос. Поверхность горшка оранжевого цвета, тесто в изломе темное, с примесью керамического боя. Высота горшка — 22,5 см, диаметр венчика — 11,0 см, горла — 9,8 см, тулова — 23,0 см, дна — 9,5 см (рис. 2, 3).

9. В ногах детского костяка стоял глиняный лепной горшок с невысоким горлом, отогнутым наружу венчиком, несколько асимметричным туловом и уплощенным дном. По верхней части тулова проходят три круговых рельефных валика, от которых вниз отходят четыре пучка коротких полос, по три и по четыре полосы. Поверхность горшка от

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 00-01-00061а/В.

оранжевого до темно-коричневого цвета, тесто в изломе темное, с примесью керамического боя. Высота горшка — 16,4 см, диаметр венчика — 10,3 см, горла — 9,0 см, тулова — 16,3 см, дна — 6,3 см (рис. 2, 4).

10. В ногах мужского костяка, рядом с сосудом, лежали кости передних ног с лопатками и ребра барана.

Погребение 11 было совершено в широкой прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии С—Ю, размерами 2,37 × 1,97 м. На глубине 0,65 м от уровня площадки вдоль западной стенки была оставлена приступка шириной 0,81 м. Дно ямы находилось на глубине 0,75 м от площадки и 2,05 м от современной поверхности кургана. В заполнении ямы найден обломок донной части срубного сосуда со следами расчесов по тулову. Видимо, здесь при сооружении площадки и погребения 11 было уничтожено срубное захоронение. Судя по оставленной приступке, вероятно, первоначально планировалось выкопать подбойную яму, но в песчаном грунте подбой соорудить не удалось. На дне ямы лежал скелет мужчины 40—45 лет, вытянуто на спине, головой на юг, черепом на затылке. Вдоль левой ноги мужского костяка лежал скелет ребенка, на спине, с разворотом на левый бок, головой на юг, черепом на левом виске. Правая рука его была отставлена в сторону перпендикулярно туловищу и лежала на коленях мужского костяка, левая рука протянута вдоль туловища, ноги согнуты в коленях под острым углом и коленями направлены к западу. Под погребенными прослежен белесый тлен подстилки (рис. 2, 8).

1. Слева от мужского костяка, вдоль ступеньки, лежал длинный железный меч с прямым перекрестием и серповидным навершием. Длина меча — 1,19 м (рис. 2, 11).

2. На лезвии меча на уровне локтевого сустава лежала бронзовая ворворка в виде усеченного конуса диаметром 2,2 см и высотой 1,1 см (рис. 2, 9).

3. У черепа детского костяка найдена маленькая бусина (бисер) из желто-красного стекла (рис. 2, 10).

4. В ногах погребенных стоял лепной сосуд с уплощенным дном, яйцевидным туловом, цилиндрическим горлом и отогнутым наружу венчиком. С одной стороны имелась петлевидная ручка, с другой — носик-слив, выполненный в виде ручки. Горло отделено от тулова тремя круговыми рельефными валиками, ниже которых проходит орнамен-

тальный фриз из ромбов, вписанных друг в друга. Поверхность сосуда коричневого цвета с темными пятнами и следами лощения. Тесто в изломе темное, с примесью керамического боя. Высота сосуда — 21,4 см, диаметр венчика — 11,2 см, горла — 10,0 см, тулова — 20,0 см, дна — 8,0 см (рис. 2, 12).

5—6. На сосуде лежали кости половины тушки барана с черепом и обломок черенка железного ножа.

Курган 13, раскопанный в 1984 г. на целине у северного берега оз. Эльтон, представлял собой одиночную насыпь высотой 0,6 м, диаметром по линии С—Ю 30,5 м, по линии З—В — 24,5 м. Анализ погребенной почвы (в сравнении с другими курганами, раскопанными в 1983 и 1984 гг.) показал, что курган был сооружен в эпоху бронзы. Основное погребение уничтожено ямой скотомогильника.

Находки в насыпи:

А. В 14 м к С от центра кургана на глубине 0,35 м найдены обломки глиняного горшка с чуть отогнутым наружу верхним краем, расширяющимся кверху туловом и плоским дном. По верхней части тулова нанесен орнаментальный пояс из фестонов, заштрихованных косыми линиями, и просверлены многочисленные отверстия диаметром 5—8 мм. Поверхность светло-коричневого цвета с темными пятнами. Тесто темное, с обильной примесью слюды и незначительной — керамического боя. Высота горшка — 40 см, диаметр по верху — 34 см, тулова — 34 см, дна — 11 см (рис. 3, 7).

Б. Рядом с горшком лежали остатки железного уздечного набора, в составе которого были два небольших восьмеркообразных двудырчатых псаля длиной 6—7 см, звено кольчатых удил с диаметром кольца 5,5 см и несколько мелких обломков удил (рис. 3, 8).

Погребение 2 было сооружено в подбойной могиле. Небольшой дромос (1,55 × 1,00 м) под углом примыкал ко входной яме. Она имела прямоугольную форму, длину 2,8 м, ширину 1,0 м, глубину от современной поверхности 3,8 м и длинной осью была ориентирована по линии ССВ—ЮЮЗ. Вдоль западной стенки прослежены две ступеньки шириной по 30 см. В восточной стенке сооружен подбой, длиной равный длине входной ямы, глубиной 1,35 м. На дне на подстилке лежал костяк мужчины зрелого возраста, вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ, левая рука слабо согнута в локте, правая — вдоль туловища (рис. 3, 1).

1. На нижней ступеньке лежал предмет цилиндрической формы с выделенным торцовым краем, размерами $5,8 \times 2,1 \times 1,7$ см (рис. 3, 3).

2. Ниже кисти левой руки найден оселок длиной 8,6 см, сильно сточенный в средней части (рис. 3, 4).

3. Вдоль правого бедра лежал железный кинжал с прямым перекрестием, навершие не сохранилось. Длина клинка — 29,5 см (рис. 3, 6).

4. У колена левой ноги найдена костяная проколка с Г-образным выступом и сквозным отверстием, длиной 19 см (рис. 3, 5).

5. Рядом с проколкой находился пучок бронзовых и железных наконечников стрел, 29—30 штук. Из них: 3 бронзовых трехлопастных наконечника с треугольной головкой, внутренней втулкой и опущенными вниз жальцами длиной 2,7 см; 18 железных трехлопастных наконечников с длинными черешками, длиной головки 2 см, черешка — 6,8—7,0 см; 8—9 железных наконечников с массивной сводчатой головкой, опущенными жальцами и выступающей втулкой. Во втулки вставлены длинные железные черешки. Длина головки — 3,5—4,5 см, втулки — 1,8—2,0 см, выступающей части черешка — 3—4 см (рис. 3, 2).

6. В ногах погребенного стоял раздавленный землей глиняный лепной горшок. У него сужающееся кверху горло с отогнутым наружу венчиком, шаровидное тулово и уплощенное дно. Под горлом проходит круговой рельефный выступ, ниже которого нанесен орнаментальный пояс в виде двойной зигзагообразной линии, ограниченной снизу двумя врезными круговыми линиями. Поверхность горшка светло-коричневого цвета с темными пятнами, тесто в изломе темное, с примесью керамического боя и мелкотолченых костей. Высота сосуда — 28,6 см, диаметр венчика — 11,2 см, горла от 10,0 до 12,0 см, тулова — 30,0 см, дна — 12,2 см (рис. 3, 9).

Мною в ряде предыдущих работ предлагался метод датировки сарматских памятников III в. до н. э. по сочетанию в вещевом комплексе предметов, бытовавших в датируемых IV и II—I вв. до н. э. (Клепиков В.М., 1997, с. 16—17; 1998, с. 14—15; Клепиков В.М., Скрипкин А.С., 1997, с. 31—33). Следует лишь отметить, что список выделенных памятников будет невелик, поскольку сочетание в одном комплексе разновременных предметов не может быть частым явлением. Кроме того, «проблема III века» фак-

тически подразумевает временные рамки III и какой-то части II века, так как надежные датировки восстанавливаются преимущественно со второй половины II в. до н. э., с появлением импортов в сарматских погребениях (Скрипкин А.С., 1990, с. 106—107; 1992, с. 7).

Вышеописанные погребения могут быть датированы в упомянутом хроноинтервале. Одним из показателей служит сочетание в погребении бронзовых втульчатых и железных черешковых наконечников стрел. В Скифии бронзовые наконечники исчезают к началу III в. до н. э. вместе со скифами, а появившиеся в Северном Причерноморье сарматы во II в. до н. э. использовали железные наконечники стрел (Полин С.В., 1992, с. 77; Симоненко О.В., 1999, с. 7). На Кубани и в Подонье бронзовые наконечники отсутствуют с рубежа IV—III вв. до н. э. (Марченко И.И., 1996, с. 63—64; Максименко В.Е., 1983, с. 103—104). В Нижнем Поволжье они окончательно исчезают ко II в. до н. э. (Скрипкин А.С., 1990, с. 139). Во всяком случае, ни в одном из колчаных наборов в комплексах, обоснованно датированных II—I вв. до н. э., по данным А.С. Скрипкина, бронзовых наконечников нет (Скрипкин А.С., 2000, с. 143—144). Речь, разумеется, идет об использовании наконечников по прямому назначению, поскольку единичные экземпляры в качестве амулетов известны даже в среднесарматское время. Правда, В.Ю. Зуев высказал уверенность в боевом применении бронзовых наконечников стрел во II—I вв. до н. э., приведя в качестве доказательства материалы Красногорского кургана и кургана 7 из Белокаменки, где бронзовые наконечники были воткнуты в тела погребенных (Зуев В.Ю., 1998а, с. 149). К сожалению, он не указал, что в Красногорском кургане погребение с бронзовыми наконечниками и железным мечом с прямым перекрестием и серповидным навершием было основным в кургане, а в насыпи того же кургана найдены мечи, которые не могут быть старше самого погребения, и у одного из них сохранилась рукоять с дуговидными перекрестием и навершием (Аниховский А., 1906, с. 75; Макаренко Н., 1906, с. 76—88). Следовательно, комплекс должен быть датирован IV или рубежом IV—III вв. до н. э. Во втором комплексе (Белокаменка, кург. 7, погр. 3), безусловно, относящемся ко II—I вв. до н. э., единичный бронзовый наконечник нельзя считать вонзенным в тело погребенного. Он был просто найден на дне ямы около женского костяка. Учитыв-

вая, что рядом с соседним мужским костяком лежал целый колчаный набор исключительно из железных черешковых наконечников, было бы логичнее предположить вторичное использование бронзового (Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А., 1999, с. 138, рис. 3, 4; 4)¹.

Найденные вместе с бронзовыми железные черешковые наконечники стрел с трехлопастной и трехгранной головкой появляются на рубеже IV—III вв. до н. э., получив в дальнейшем широкое распространение в сарматском вооружении (Хазанов А.М., 1971, с. 36—37). Ранними признаками для них является наличие длинных черешков (Скрипкин А.С., 1990, с. 141). Сочетание в одном комплексе бронзовых втульчатых и железных трехгранно-трехлопастных наконечников стрел с длинными черешками в описанных выше погребениях позволяет датировать такие комплексы III — первой половиной II в. до н. э. В погребении 2 кургана 13 у оз. Эльтон найдены железные стержни, вставленные во втулки железных наконечников стрел. Такие стержни, известные как «утяжелители древков», появляются уже в савроматское время в Приуралье, употребляются в раннепрохоровских комплексах, а затем получают распространение в Прикубанье (Смирнов К.Ф., 1964, с. 255—256; Мошкова М.Г., 1963, с. 32; Марченко И.И., 1996, с. 111).

Мечи из кургана у с. Венгеловка относятся к одним из самых распространенных типов раннесарматских мечей и кинжалов с прямыми перекрестиями и разными вариантами серповидных наверший. Исследователи, отмечая их массовое распространение в раннесарматских погребениях, называют IV в. до н. э. как дату появления первых экземпляров (Смирнов К.Ф., 1961, с. 27; Мошкова М.Г., 1963, с. 34; Васильев В.Н., 1995, с. 10). Правда, обосновывая хронологическую лауну III в. до н. э., В.Ю. Зуев развенчивает доказательную базу этого утверждения и ограничивает рамки бытования таких мечей концом II — I в. до н. э. (Зуев В.Ю., 1998а, с. 144—148). Тем не менее убедительнее выглядит традиционная дата, подтверждаемая комплексами Рычковских (кург. 2, погр. 1) и Яковлевских курганов (кург. 3, погр. 1). Мечи с прямыми перекрестиями и серповидными навершиями сочетаются в этих погребениях с таль-

ковой керамикой, большим количеством бронзовых наконечников стрел со сводчатой головкой и бронзовыми ворворками (Васильев В.Н., 1984, с. 34—35, рис. 1—2; Федоров В.К., Васильев В.Н., 1998, с. 66—67, рис. 11—13). К тому же со второй четверти, но не позже второй половины III в. до н. э. так называемые прохоровские мечи, не характерные для оседлого населения Прикубанья, фиксируются на Северо-Западном Кавказе и оказывают влияние на местные типы (Марченко И.И., 1996, с. 50—54; Абрамова М.П., 1999, с. 102—103). Следует заметить, что в Приуралье и Поволжье известен еще ряд комплексов с классическими прохоровскими мечами и тальковой керамикой (Железчиков Б.Ф., 1998, с. 61—63, рис. 43; Мыськов Е.П., 1992, с. 127—135, рис. 4). К тому же приуральский комплекс (Жарсуат I, кург. 2 погр. 4) представляет собой коллективное захоронение четырех человек с положением меча поперек бедер одного из них, что более характерно для погребений V—IV, чем для II—I вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1974, с. 18; Скрипкин А.С., 1997, с. 188—189). М.Г. Мошкова, указывая на исчезновение талька в сосудах III—II вв. до н. э., не исключала редких находок такой керамики среди посуды этого времени (Мошкова М.Г., 1974, с. 22—23). Однако до сих пор не известно ни одного сосуда с тальковой примесью в хорошо датированных комплексах II—I вв. до н. э. Поэтому не будет большой натяжкой предположение, что тальковая керамика прекращает свое бытование в пределах III — первой половины II в. до н. э.

В недавних публикациях, посвященных хронологии раннесарматских памятников, предложенные подходы к проблеме III в. до н. э. нашли как сторонников (Железчиков Б.Ф., Скрипкин А.С., 1997, с. 213; Абрамова М.П., 1999, с. 98—107; Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А., 2000, с. 76—77), так и непримиримого критика (Зуев В.Ю., 1999а, с. 305—324). Не имея возможности в рамках этой статьи скрупулезно ответить на все вопросы, чтобы развеять сомнения, высказанные уважаемым оппонентом, хотелось бы выделить позиции, вызывающие у меня принципиальное несогласие с ним. Стремясь обосновать hiatus III в. до н. э., В.Ю. Зуев ставит под сомнение культурное единство ран-

¹ В описание вкралась досадная ошибка, поскольку бронзовый наконечник, упомянутый в списке мужского инвентаря, находился у локтя женского костяка и на чертеже обозначен планом 11.

несарматских памятников IV и II—I вв. до н. э., игнорируя те многочисленные общие черты в погребальном обряде массовой культуры, которые зафиксированы исследователями (Смирнов К.Ф., 1975, с. 156—175; Мошкова М.Г., 1974, с. 10—20; Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988, с. 141—159; Таиров А.Д., 1998, с. 87—96), и предлагая в качестве эталона элитарные комплексы, не ординарные по определению (Зуев В.Ю., 1998б, с. 45—50). Но как тогда объяснить общие традиции концентрического расположения могильных ям впускных захоронений, конструкций погребальных сооружений, южной ориентировки, напутственной пищи в комплексе диагностирующих признаков, определяющих раннесарматский погребальный обряд? Усиливая свою аргументацию, оппонент обращается к предложенным мной спискам хроноиндикаторов и отмечает, что лишь некоторые категории погребального инвентаря «встречаются в том и другом перечне и, следовательно, существуют без сбоев на всем протяжении существования... культуры IV—I вв. до н. э.» (Зуев В.Ю., 1999а, с. 322). Иными словами, предлагается видеть разрыв не только в погребальной традиции, но и в бытовании большинства вещей. При этом игнорируется то обстоятельство, что в упомянутые перечни вошли лишь те вещи, которые известны в IV в. до н. э., но отсутствуют во II—I вв. до н. э., и наоборот. Те категории и типы вещей, которые продолжали использоваться на протяжении всей эпохи, конечно, не привлекались в качестве хроноиндикаторов, но это ни в коем случае не говорит об их отсутствии.

Превращая III в. до н. э. из «темного века» в непроходимую пропасть, В.Ю. Зуев раздвигает ее размеры до трехсот лет, устанавливая пределы с V — начала IV в. по рубеж II—I вв. до н. э. (Зуев В.Ю., 1998а, с. 148). Мне непонятно, во-первых, как дата II—I вв. до н. э. превратилась в рубеж II—I вв. до н. э., а во-вторых, почему бытующие в это время вещи а priori используются как хроноиндикаторы, определяющие начало бытования? В этом качестве выступают, например, бронзовые зеркала с валиком по краю и боковой ручкой-штырем (Зуев В.Ю., 1999а, с. 311, 314—315). Если автора не убеждают находки таких зеркал вместе с бронзовыми наконечниками стрел, бронзовыми ворворками и тальковой керамикой, то античные импорты Прикубанья должны положить конец его сомнениям (Марченко И.И.,

1996, с. 21; Абрамова М.П., 1999, с. 103—104). Начальная дата предложенной лакуны тоже требует дополнительной аргументации. Даже если согласиться с весьма спорной новой хронологией курганов Прохоровки (Зуев В.Ю., 1999б, с. 327), нельзя игнорировать многочисленные раннесарматские комплексы IV в. до н. э., исследованные к настоящему времени. Во всяком случае, способ датировки, предложенный В.Ю. Зуевым в процессе полемики с Б.Ф. Железчиковым, не убеждает. Предложив список ранних памятников и не датируя их самостоятельно, автор отсылает читателей к работе А.Х. Пшеничнюка, который связывает эти комплексы «с так называемой «савроматской» культурой Южного Приуралья и приводит в соответствующем разделе своей книги весьма убедительные доводы в пользу их датировки V в. до н. э.» (Зуев В.Ю., 1998в, с. 15—16). Причем в список этих комплексов ненавязчиво вкрапляются такие памятники, как Тавлыкаево IV (кург. 1, погр. 2, б), Михайловка (кург. 1), Байгускаково (кург. 1, погр. 1), самим А.Х. Пшеничнюком помещенные под рубрикой «Прохоровская культура (IV—II вв. до н. э.)» (Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 102, табл. 2). Затем следует пожелание В.Ю. Зуева своему оппоненту: «Если Б.Ф. Железчиков не согласен с этими датами, то он должен был бы сначала представить свои аргументы, позволяющие ему омолаживать на столетие памятники ранней и поздней классики, и только после этого включать их в свою БД» (Зуев В.Ю., 1998в, с. 16).

Мой уважаемый оппонент обладает несомненным даром образно представить проблему. Однако III в. до н. э. выглядит подобием «узкого места стеклянной колбы песчаных часов» (Зуев В.Ю., 1999а, с. 309) не из-за отсутствия самих памятников, а в силу сложности их выделения. Если в вещевом комплексе вместе с предметами, хорошо известными в погребениях раннесарматской культуры, не найдены вещи, бытующие в IV или исключительно (sic!) во II—I вв. до н. э., мы будем вынуждены датировать их широко — III—I вв. до н. э. В этом я абсолютно согласен с М.П. Абрамовой (Абрамова М.П., 1999, с. 106). Мне также близко представление В.Ю. Зуева о III в. до н. э. как проблеме «поиска черной кошки в темной комнате» (Зуев В.Ю., 1999а, с. 308). Однако я не могу взять в толк: почему, присоединившись к этим поискам, нужно еще и зажиматься?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П., 1999. О некоторых спорных вопросах хронологии раннесарматской культуры // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.

Аниховский А., 1906. Раскопка кургана в поселке Красногорском // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XVI. Оренбург.

Васильев В.Н., 1984. Новые данные о каменных курганах ранних кочевников Южного Урала // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.

Васильев В.Н., 1995. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI—II вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа.

Железчиков Б.Ф., 1998. Археологические памятники Уральской области. Волгоград.

Железчиков Б.Ф., Скрипкин А.С., 1997. Заключительные замечания // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура (IV—I вв. до н. э.). М.

Зуев В.Ю., 1998а. К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа // Военная археология: оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции. СПб.

Зуев В.Ю., 1998б. Периодизация археологических памятников центральной части европейского пояса степей I тысячелетия до н. э. (по материалам Южного Приуралья) // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь: Международная конференция памяти М.И. Артамонова. Тезисы докладов. СПб.

Зуев В.Ю., 1998в. Раннесарматская культура IV—III вв. до н. э. Статистический феномен и археологическая реальность. СПб.

Зуев В.Ю. 1999а. О путях решения «проблемы III в. до н. э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // *Stratum*. Скифский квадрат. СПб.; Кишинев; Одесса.

Зуев В.Ю., 1999б. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // *SUSSITIA*. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.

Клепиков В.М., 1997. Сарматские памятники III в. до н. э. и проблема их выделения // Чтения в Волгоградском областном обществе краеведов. Волгоград.

Клепиков В.М., 1998. Сарматы IV—III вв. до н. э. в Заволжье и Волго-Донском междуречье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С., 1997. Ранние сарматы в контексте исторических со-

бытий Восточной Европы // Донские древности. Вып. 5. Сарматы и Скифия. Азов.

Макаренко Н., 1906. Продолжение раскопки кургана около пос. Красногорского Оренбургского уезда // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XVI. Оренбург.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д.

Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар.

Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А., 1999. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград.

Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1—10. М.

Мошкова М.Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.

Мыськов Е.П., 1992. Сарматские погребения из курганов у Волжского и Киляковки // Древности волго-донских степей. Вып. 2. Волгоград.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А., 2000. Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н. э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара.

Полин С.В., 1992. От Скифии к Сарматии. Киев.

Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Симоненко О.В., 1999. Сармати Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія: Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

Скрипкин А.С., 1992. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.

Скрипкин А.С., 1997. Анализ сарматских памятников III—I вв. до н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура (IV—I вв. до н. э.). М.

Скрипкин А.С., 2000. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II—I вв. до н. э. // Раннесарматская

культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101. М.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.

Смирнов К.Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.

Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск.

Таиров А.Д., 1998. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II. Оренбург.

Федоров В.К., Васильев В.Н., 1998. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. Уфа.

Хазанов А.М. 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Венгеловка-82. План и профиль кургана 2.

Рис. 2. Венгеловка-82. Курган 2: 1—7 — погребение 10; 8—12 — погребение 11.

Рис. 3. Эльтон-84. Курган 13, погребение 2.

SUMMARY

ON THE PROBLEM OF SINGLING OUT THE SARMATIAN MONUMENTS OF III BC

V.M. Klepikov

The materials of three burials of the Early Sarmatian Culture from Zhavolzhye region (the left bank of the Volga) are published in the article. These graves are of great interest being in the context of the discussion about singling out the monuments of the III BC. The author offers a method of dating which has made it possible to define the chronological frames of the graves as the III — beginning of the II BC. One of the criteria for such dating is the combination of bronze and iron arrow-heads. The chronological positions and dates of other items from the graves are also defined in the publication.

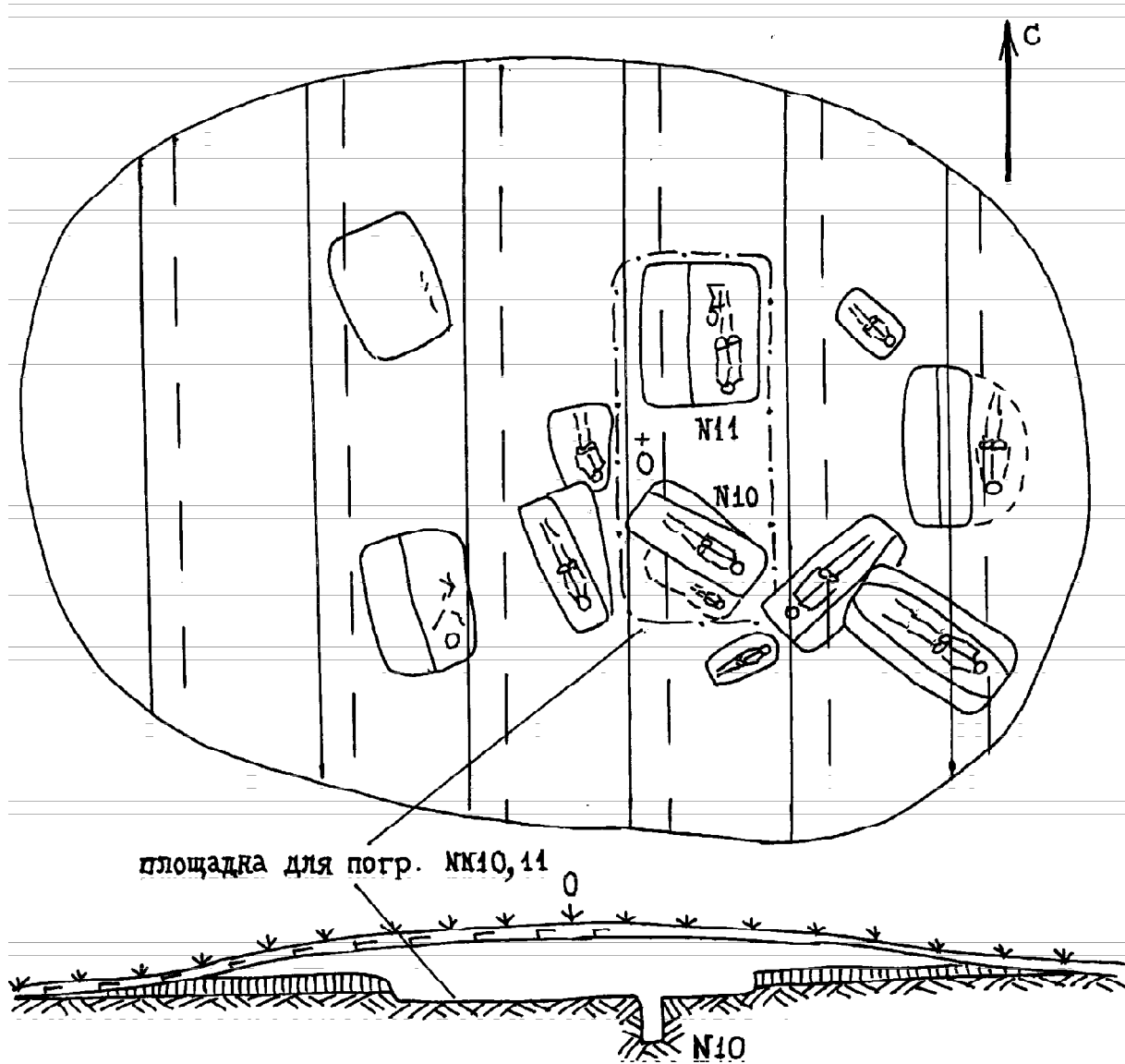

Рис. 1

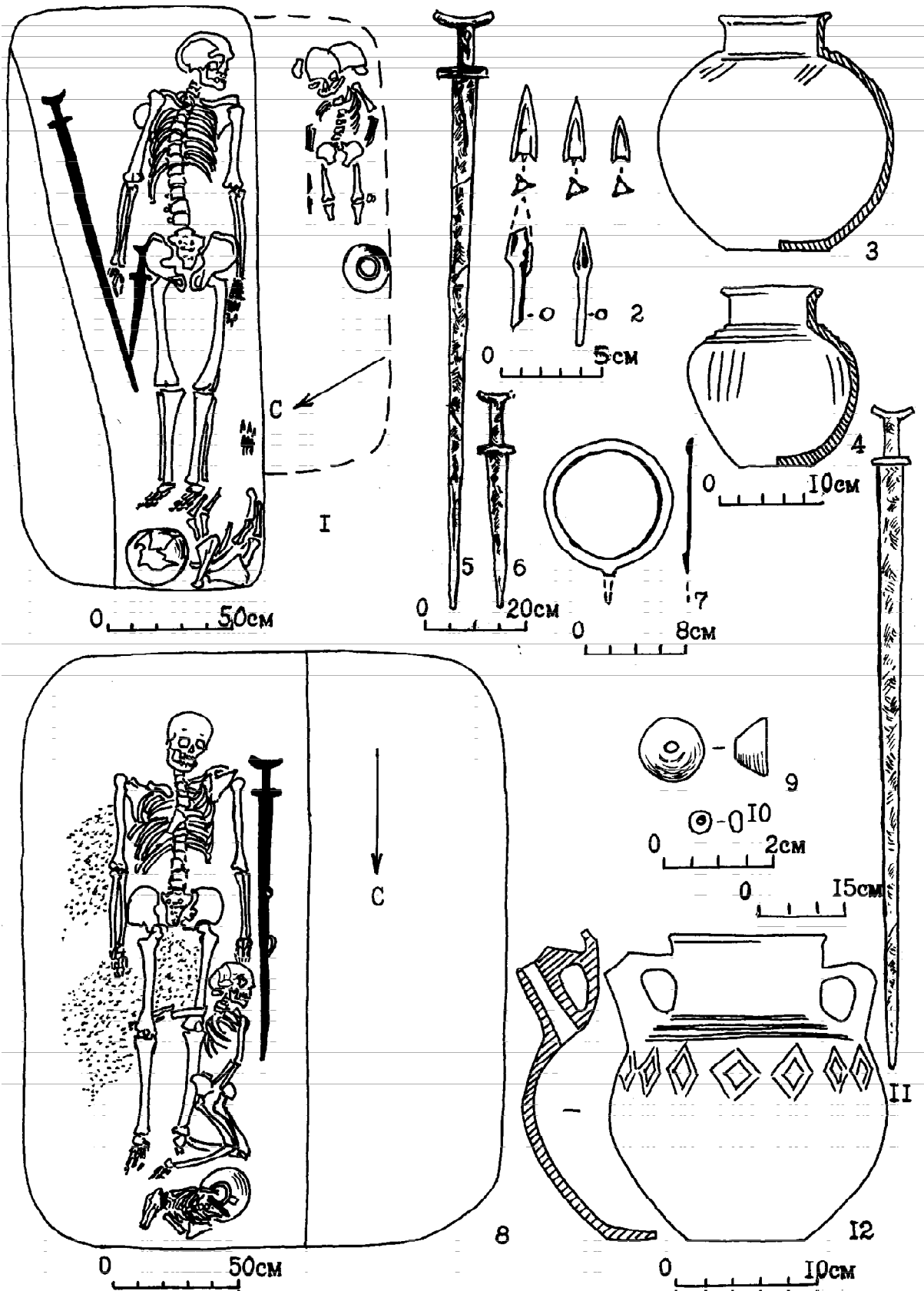

Рис. 2

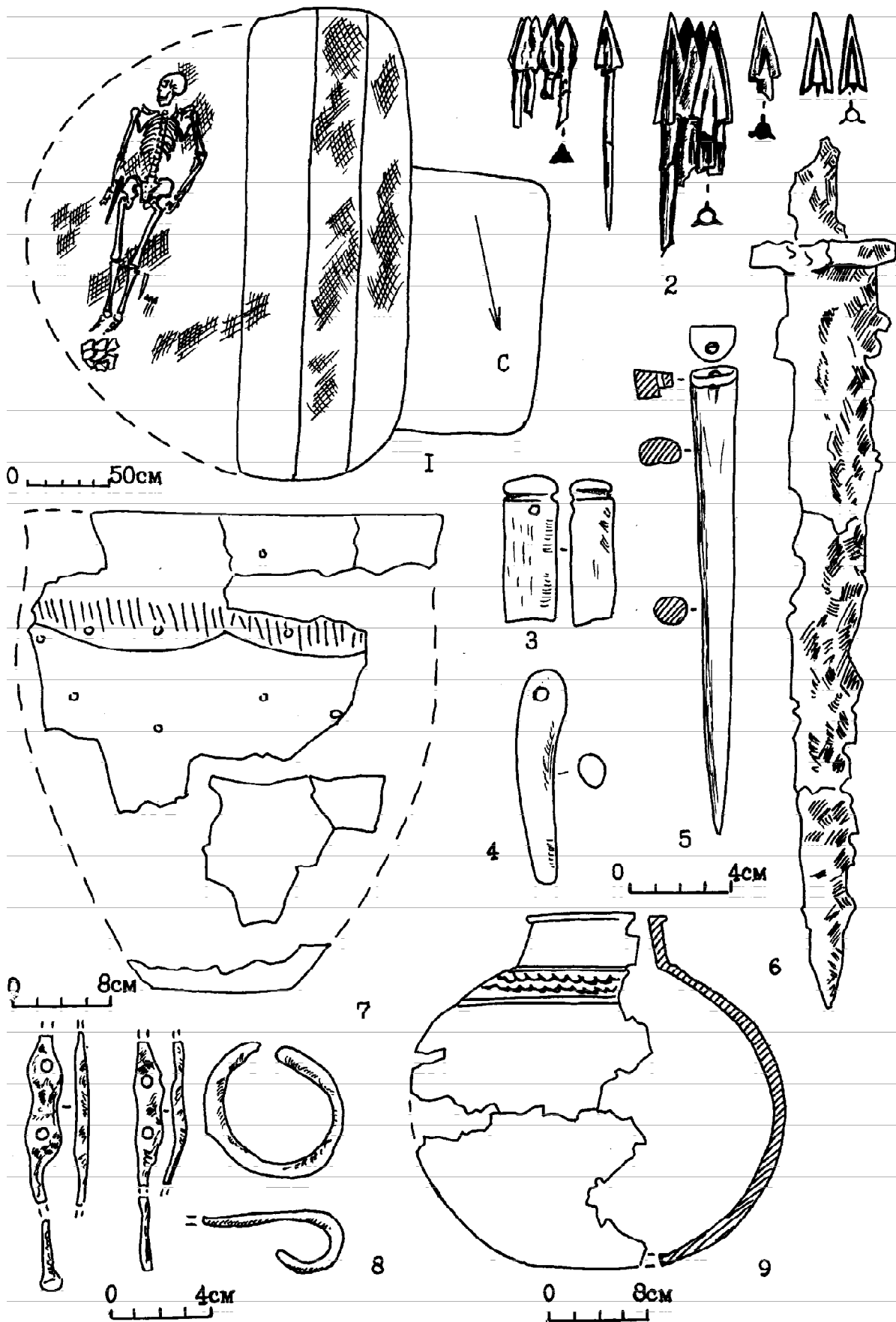

Рис. 3